

Шу Сюнь спрятал голову обратно в дупло и наспех законопатил щель ворохом одежды. Крохотные усы на его мордочке забавно нахохлились. Выходить наружу в такое ненастье было чистым самоубийством: в белой круговерти легко потерять ориентиры, а леденящая стужа мгновенно высосет остатки тепла. Не найдись вовремя убежище — и окоченеешь в сугробе прежде, чем успеешь это осознать.

Пока он размышлял о безрадостных перспективах, в тесном дупле отчетливо заурчало. Малыш погладил лапкой пустой животик, облизнулся и с внезапной тоской вспомнил свой уютный аквариум. Захотелось немедленно выйти из игры, чтобы сначала как следует наестся, но в сознании царило мёртвое безмолвие. Игровая система не подавала признаков жизни.

Только теперь пришло запоздалое прозрение: это «реалистичное выживание» — вовсе не шутка. Выбраться из виртуального плена можно разве что через смерть или полное прохождение. Похоже, внешние силы сознательно дистанцировались от процесса — игрокам предстояло полагаться исключительно на себя, что, несомненно, добавляло происходящему пугающей достоверности.

Желудок снова жалобно отозвался. Кроха прикусил переднюю лапку, мучительно соображая, стоит ли испытывать судьбу и вылезать наружу в поисках хоть какой-то еды.

В эти же минуты тысячи других участников, встретивших рассвет второго дня, мучились той же дилеммой. Неистовая метель напрочь лишала обзора, но и сидеть сложа руки было нельзя. Голод подтачивал силы, а без калорий организм стремительно остывал. Если буря не утихнет в ближайшие часы, исход предрешен. Как поступить?

Сквозь рев стихии каждый пробивался по-своему. Кто-то рисковал и выходил за порог, кто-то забивался в угол и ждал. Одни замерзали насмерть по дороге к скудным запасам, другие погружались в вечный сон прямо в своих убежищах. Смерть косила без разбора и логики — выживание превратилось в лотерею, где на кону стояла жизнь.

В своем тесном гнездышке Шу Сюнь вновь свернулся плотным пушистым клубком, отрешенно слушая яростные завывания ветра. Выйди он сейчас наружу — и тридцати минут не протянет. Оставалось только ждать. Если и завтра погода не сжалится, придется идти на смертельный риск.

К счастью, худшие опасения не оправдались. Ближе к вечеру буран начал выдыхаться, а еще через час неистовый вой за пределами его древесной крепости окончательно смолк.

Сберегавший силы весь день зверек чутко повел ушками. Осознав, что снаружи наконец-то тихо, он расправил затекшее тельце, сладко потянулся, зевнул и обернулся человеком. Скользнув к краю дупла, юноша осторожно высунул нос.

За порогом раскинулся совершенно иной мир. Одетый в девственно-белое серебро лес замер в хрустальном безмолвии. Все вокруг казалось настолько чистым и мирным, словно недавний разрушительный буран был лишь игрой воображения.

Тихий выдох превратился в облачко пара. Шу Сюнь спрятал голову, коротко засомневался, но решительно застегнул одежду и выкарабкался из своего древесного убежища.

Несмотря на воцарившиеся сумерки, плотная пелена туч впервые начала расходиться, истончившись до легкой дымки. Холодный лунный свет, многократно усиленный белизной сугробов, заливал чащу ярким сиянием. Без слепящей снежной круговерти видимость оказалась даже лучше, чем при свете дня.

Спустившись по стволу, он мягко ступил на пушистый снег и зашагал в глубь леса. Из-за крошечного роста и веса малышу не приходилось опасаться, что он провалится в сугроб — за ним тянулась лишь едва заметная цепочка следов, уходящая в туманную даль.

Вскоре он выбрался на наветренный склон холма. Буря утихла на удивление бесследно: в хрустальной ночи не ощущалось даже слабого дуновения. С этой стороны холма яростные порывы ветра сорвали большую часть свежего снега, сделав покров совсем тонким.

Потерев крошечные лапки, мышонок выпустил острые коготки и принялся деловито раскапывать наст в облюбованном месте. Буквально через пару секунд из-под снега показались палые листья, сохранившие увядающую зелень. Сделав короткую паузу, зверек начал расширять лунку, и вскоре посреди девственной белизны проступило темное пятно обнажившейся земли.

Усердно разгребая лесную подстилку, труженик быстро наткнулся на то, что искал — идеально круглый белый скальный орех. Плод был невелик, как раз по мерке его крохотных ладошек. Грубая кожа по цвету почти сливалась с корой росших вокруг исполинов; судя по всему, это и был белый скальный орех.

Шу Сюнь никогда прежде не видел подобных деревьев, но интуитивно решил попытать счастья. Продрогший до мозга костей и изнуренный голодом, он не имел права на привередливость. Опасен ли плод, съедобен ли — размышлять было некогда. Надавив когтем на стык скорлупы, он с легкостью расколол ее, обнажив влажное белоснежное ядро. В тот же миг в морозном воздухе разлился едва уловимый сливочный аромат.

Не в силах терпеть, малыш жадно вгрызся в угощение. Мякоть оказалась на удивление нежной, тающей во рту и оставляющей приятную прохладу. Орех с его тонким молочным послевкусием показался голодному зверьку божественным деликатесом. Обхватив лапками остатки плода, он быстро расправился с ними.

Для обычного человека крошечный орешек размером с фалангу пальца показался бы насмешкой, но малышу этого вполне хватило, чтобы сыто похлопать себя по округлившемуся пузику. Голод наконец-то отступил, а с ним, казалось, ушла и пронизывающая до костей стужа.

Удачная находка мигом подняла зверьку настроение. Смешно надув щечки, он принялся тихонько напевать под нос незамысловатый мотивчик, усердно перекапывая соседние участки. И над безжизненным заснеженным лесом еще долго разносилось его тонкое детское

попискивание.

Лишь когда на очищенном пятачке выросла внушительная горка, Шу Сюнь остановился, чтобы пересчитать добычу. Вышло ровно восемнадцать штук. Радость, впрочем, быстро сменилась растерянностью: как перетащить эту пирамиду, превосходившую его самого размерами? Использовать духовную обитель в полную силу не позволяли ограничения, а мешочка для хранения под рукой не было.

В этот момент он отдал бы все за свой привычный инвентарь. Но в том и крылась прелесть сурового симулятора: игра не шла на уступки. Полная изоляция от внешнего мира, жесткие стартовые условия и никаких лазеек для жульничества — выживай как умеешь.

Поскольку он только ступил на путь выживания, времени на детальное исследование окрестностей не было. И все же логика подсказывала: разработчики наверняка позаботились о припасах и снаряжении, разбросав их по карте в случайном порядке. Наверняка где-то можно раздобыть хотя бы простейший системный рюкзак. Иначе поддерживать интерес угасающей аудитории в столь драконьих условиях было бы попросту невозможно.

Окинув взглядом подернутый дымкой небосвод, Шу Сюнь решил перетаскать добычу в два приема. Кора белых скальных деревьев по твердости напоминала гранит; чтобы выковырять из-под нее плоды, пришлось задействовать крупницы духовной энергии. Однако его скромный уровень культивации требовал бережного расхода сил.

Связав из одежды подобие узелка и наполнив его орехами, Шу Сюнь поспешил обратно к убежищу. Сгрузив добычу в самый дальний угол дупла, он спрыгнул вниз, чтобы забрать остатки. Но стоило ему вернуться к поляне, как его ждал неприятный сюрприз: прямо на расчищенном пятачке хозяйничал незванный гость — пушистая белка, деловито распахивающая его припасы за щеки.

С подобным зверьем он частенько сталкивался в родных лесах Чанбайшаня. Существа эти на редкость юркие, а в драке за пропитание — наглые и агрессивные. Почуввав чужое присутствие, воришка замер с полуоткрытым ртом. Шу Сюнь застыл чуть выше по склону, пушистый грабитель оказался чуть ниже; оба ошарашенно уставились друг на друга.

Оцепенение спало мгновенно. Зверек воинственно выпрямился на задних лапах, раздул и без того пухлые щеки и уставился на Шу Сюня круглыми, налитыми злобой глазами. Было очевидно: отдавать легкую добычу он не намерен.

Обычные, лишённые разума дикие твари порой оказываются куда опаснее духовных существ. Ими движет чистый инстинкт — первобытное стремление защищать пищу и территорию любой ценой. Шу Сюнь прекрасно понимал: посреди ледяной пустыни горстка питательных орехов приравнялась к сокровищу, за которое бьются насмерть.

В мгновение ока наглый зверек ринулся в атаку. Оценив противника, он резонно рассудил, что крохотный, в несколько раз меньше его Пушок не представляет никакой угрозы. Раз уж его

поймали на краже, проще было прихлопнуть свидетеля.

Снежные вихри взметнулись из-под когтей нападающего. Белка стрелой взлетела по склону холма, оскалив острые резцы и приготовившись пустить в ход когти.

Однако реальность жестоко щелкнула агрессора по носу. Стоило яростному хищнику приблизиться, как пятисантиметровый «Пушок» наотмашь вlepил ему увесистую затрещину, отправив в полет. Не дав воришке опомниться, Шу Сюнь настиг его в момент приземления, мертвой хваткой вцепился в усы и от души навесил пару тумачков.

— Ах ты тварь вороватая! — пищал разгневанный мышонок, осыпая наглеца градом ударов. — Жрать чужое на халяву вздумал?! Драться лезешь?! На, получай, падла! Будешь знать, как на мое добро лапу накладывать!

Пусть его духовные силы и были временно заблокированы, Шу Сюнь оставался мифическим существом, а не простым грызуном. Справиться с рядовым лесным жителем для него не составило труда, так что потасовка закончилась быстро и убедительно.

Поняв, что нарвалась на свирепого монстра в мышинной шкуре, белка истощно заверещала. Получив парочку внушительных оплеух, она поспешно выплюнула украденное и пустилась наутек, смешно виляя ободранным хвостом.

Проводив беглянку победным взглядом, Шу Сюнь принялся методично собирать разбросанные орехи. Высоко в небе тучи вновь сгущались, затягивая лунный диск плотной вуалью. Вернув припасы в дупло, он решил еще раз осмотреть окрестности. На этот раз его обострившееся чутье уловило присутствие множества других существ, затаившихся в чаще. Неожиданная передышка заставила лесных обитателей очнуться от оцепенения и выйти на поиски еды. Побитая воровка была лишь малой частью этого голодного воинства.

Почти до самого утра Шу Сюнь неумоимо обшаривал сугробы, пока его убежище не заполнилось до отказа белыми скальными орехами. Среди добычи сиротливо ютились и несколько мясистых коричневых грибов. Около трех часов ночи небосвод затянуло окончательно. Мир вновь погрузился в непроглядный мрак, а по верхушкам деревьев побежали первые тревожные порывы ледяного ветра.

Внезапным прояснением воспользовались многие. Игроки, не побоявшиеся ночного холода, смогли раздобыть хоть какие-то крохи провизии. Тем же, кто упустил драгоценное время, теперь оставалось либо рисковать жизнью в непроглядной метели, либо медленно угасать от голода.

После тяжелого похода Шу Сюнь забрался поглубже в дупло и мгновенно уснул крепким, безмятежным сном. На следующий день его разбудил привычный завывающий гул. Сквозь плотную снежную завесу едва пробивался тусклый свет, не способный подарить коченеющему миру ни капли тепла.

Разомкнув веки, он робко высунул носик наружу, но за порогом свирепствовала все та же нескончаемая вьюга. Неужели в этом угасающем мире ледяной буран — повседневная норма?

Вернувшись в тепло, Шу Сюнь ловко очистил очередной орех и принялся неторопливо смаковать его, строя планы на будущее. Пошел уже третий день его пребывания в игре. А значит, баланс его счета пополнился на целых двести межзвездных баллов! Эта мысль мгновенно подняла ему настроение, заставив довольно забавно прищуриться.

Расправившись с нехитрым завтраком, зверек облизнулся. Во рту пересохло — с самого момента переноса в этот суровый мир он не сделал ни единого глотка воды. Тоскливо посмотрев на кружащиеся хлопья, Шу Сюнь спустился вниз и вскоре вернулся в дупло, бережно неся в лапках половинку скорлупы, до краев наполненную свежим снегом.

В бытность свою в горах Чанбайшаня он без опаски пил талую воду и утолял жажду из чистейших родников, находя их вкус отменным. Но в пылу забот малыш позабыл, что этот мир находился на пороге гибели, и все живое здесь постепенно отравляла медленная агония угасания.

Снег в его объятиях постепенно подтаивал от тепла пушистого тельца. Шу Сюнь уже поднес скорлупу к губам, но в последний момент замер: талая вода выглядела как-то неестественно. Вместо кристально чистой влаги на дне скорлупы плескалась мутная, сероватая жижа, усеянная хлопьями грязного осадка.

Помедлив, он так и не решился сделать глоток. Зверек лишь обреченно облизнул сухие губы и с тоской уставился на бушующую за порогом стихию, чувствуя себя совершенно беспомощным. Внезапный дефицит питьевой воды разом перечеркнул его планы переждать непогоду. Как бы ни было жаль оставлять забитое до отказа припасами дупло, Шу Сюню волей-неволей придется сняться с места.